

A young girl with long, wavy brown hair, wearing a red dress with a white long-sleeved shirt underneath and brown boots, stands on a rocky path covered in fallen autumn leaves. She is looking towards a dramatic mountain landscape. In the background, there are snow-capped mountains and a large, jagged rock formation. A bright, jagged lightning bolt strikes down from the sky, illuminating the scene. The sky is blue with some clouds, and there are some orange leaves falling in the air. The overall mood is dramatic and magical.

Данила Коршиков

Маша

Данила Коршиков

Маша

<https://litres.ru/74372013>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Коринфянам 13:4–7).

Данила Коршиков

Маша

1.

И создал тогда Бог нашу планету. И наполнил ее светом и тенью, землей и небом, ветром и воздухом, водой и пламенем. И понеслись по планете нашей день и ночь и день и ночь. И чтобы все то движение не пропадало втуне, пронёсся Бог по планете нашей ветром и рассыпал по ней множество и множество семян; и не успевал еще он скрыться на горизонте, как из семян уже выростало множество и множество — на которое только и могла быть способна фантазия Божья — видов деревьев, глубоко пустивших в плодородную почву свои извилистые, питающиеся соками земли, корни. Закончив, Бог посмотрел со стороны на планету нашу; но вид голой земли меж деревьями удручал его. И тогда понесся он по планете нашей вновь. И взмахивал Бог одной рукой — и перед ним расстился ковер из пышной травы и растений. И взмахивал Бог другой рукой — и, возвышаясь над травой, выростали целые подлески плодородных кустарников. И поводил Бог в воздухе пальцами — и, закрываясь от солнца шляпками, выростали грибы. И бросал Бог короткие взгляды по сторонам — и камни и стволы деревьев покрывались мхами и лишайниками. Но вскоре все это Богу наскучило: красота Божья рвалась на волю из сердца Божьего. И когда

оказалась она, наконец, на воле, по всей планете нашей, на свободных от деревьев и открытых солнцу полянах, запестрели яркими красками и невиданной еще нигде во вселенной красотой — на которую только и могло быть способно Божье воображение и сердце — цветы. И нежные их лепестки, держась на тонких стебельках, распускались в доверчивом порыве навстречу яркому свету; и там — в лоне каждого цветка, казалось, беззвучно бьётся сердце всей красоты нашей планеты. И теперь Бог был доволен. И теперь Бог искренне любовался творением своим. И чтобы придать всему этому еще больше жизни — деятельной и суетной жизни, — поселил Бог у самой-самой земли и под землей множество и множество больших и маленьких букашек, что тут же, закопошившись, занялись своими неотложными и важными делами. И понеслась по планете нашей жизнь.

И было у Бога несколько сыновей. И послал Бог сыновей своих на планету нашу. И стали следить сыновья Божьи за всем, что происходит на ней. И понеслась по планете нашей настоящая жизнь. И понеслись по ней — Лето, Осень, Зима, Весна и год за годом, год за годом.

И остался у Бога лишь один нерадивый сын. И не знал совсем Бог: куда пристроить его. И был Бог в глубоких раздумьях. А нерадивый сын его ходил

бесцельно по владениям отца своего — Бога, день за днем и день за днём, и только и занимался тем, что вел оживлённые беседы со всеми тамошними обитателями; и когда на-

чинал говорить он — голос его гремел на всю округу, и даже обитатели самых дальних мест владений Божьих, заслышав громогласный голос его, вдруг останавливались, оставляли дела свои и говорили друг другу: «То говорит последний сын Божий». — «Верно, — отвечали говорившему, — такого голоса громогласного больше во всех владениях Божьих нет». И, кивнув друг другу, продолжали дела свои. И был Бог в глубоких раздумьях. И не знал уже совсем Бог: куда же пристроить последнего сына своего. И хмурил даже, бывало, с досады Бог брови свои Божьи. И был в глубоких раздумьях. И однажды, в день, когда Бог был на самой-самой глубине раздумий своих, мимо проходил последний нерадивый сын его; но Бог не замечал сына своего; но вдруг остановился он возле отца своего и с кем-то заговорил; и Бог, услышав громогласный голос сына своего, вдруг вздрогнул — и глаза его просияли, и Божья улыбка засияла на лице его Божьем, и окончились тогда все глубокие раздумья его. Нерадивый сын Божий, окончив беседу, хотел было уже и пойти, но Бог позвал его. И сын подошёл к отцу.

— Возрадуйся, — сказал Бог сыну своему, — и тебе нашёл я занятие, сын мой.

Сын его удивился.

— Какое? — спросил он отца своего — Бога.

— Я пошлю тебя к братьям твоим, — ответил Бог сыну своему, — и будешь ты среди них Богом грома и молнии.

Нерадивый сын Божий заулыбался; но потом перестал

улыбаться. И Бог объяснил сыну своему, что значит сие — Бог грома и молнии. И заулыбался вновь сын его.

— Спасибо, — сказал сын отцу своему — Богу, — спасибо тебе, я не подведу тебя.

И отправился последний сын Божий на нашу планету. И стал он среди братьев своих — Богом грома и молнии. И набухло тотчас все небо черными тучами. И загремели тотчас в нем оглушительные раскаты грома. И засверкали тотчас в нем беспрестанные и ослепительные молнии. И задрожал тогда воздух над всеми лесами и букашками. И даже ночью было светло, как днем. И неистовствовал новоявленный Бог грома и молнии целые сутки. И никто не останавливал его. Ибо сказал Бог сыновьям своим: «Не останавливайте его: он — Бог грома и молнии». И неистовствовал Бог грома и молнии целые сутки. Но на вторые сутки вдруг сам остановился — и заскучал. И отправился к отцу своему — Богу.

— Отец, — сказал он Богу — отцу своему, — ты дал мне силу грома и молнии — спасибо тебе; но ни деревья, ни трава, ни цветы, ни всё то множество и множество букашек, созданных тобою, не могу оценить громогласную силу мою. — Бог грома и молнии немного помолчал; отец его — Бог, внимательно смотрел на сына своего — Бога грома и молнии. — Прошу тебя, отец, — продолжил сын Божий, — сотвори же таких существ, которые смогли бы услышать, увидеть, внять и оценить по достоинству всю громогласную силу мою; которые смогли бы узнать — кто такой Бог грома и молнии.

И вновь задумался тогда Бог. Но не так долго длилась дума его, как в прошлый раз. И решение быстро пришло к нему. И отправился Бог снова на нашу планету. И сотворил он на ней множество и множество различных животных; и наполнил Бог все глубокие низины водою и запустил туда множество и множество различных рыб. И понеслась по планете нашей новая жизнь. И, полюбовавшись творением своим, воротился Бог во владения свои к сыну своему — Богу грома и молнии.

— Все готово, — сказал Бог сыну своему — Богу грома и молнии, — я исполнил просьбу твою, сын мой. Можешь возвращаться и вершить свои громогласные дела.

— Спасибо тебе, отец, — ответил Бог грома и молнии отцу своему — Богу, и отправился обратно к братьям своим.

И набухло вновь небо по всей планете нашей черными тучами. И загремели вновь в нем оглушительные раскаты грома. И засверкали вновь в нем ослепительные молнии. И побежали тогда по лесу олени, лисицы и дикие волки. И снялись тогда с веток птицы и полетели куда глаза глядят и без остановки. И, завидя яркие вспышки молний, бросились все рыбы тогда в самую-самую глубь морей, океанов, рек и озер. И даже огромный, косолапый медведь, бросив все медвежьи дела свои, бежал в берлогу свою. И неистовствовал тогда Бог грома и молнии целых двое суток. И никто не останавливал его. Ибо помнили все слова отца своего — Бога: «Не останавливайте его; он — Бог грома и молнии». И неистовство-

вал Бог грома и молнии целых двое суток. Но на третьи сутки вдруг сам остановился — и заскучал. И отправился вновь к отцу своему — Богу.

— Отец, — сказал он Богу — отцу своему, — ты дал мне силу грома и молнии — спасибо тебе; ты сотворил существ, что слыша гром мой и завидя молнии мои уносятся прочь — спасибо тебе. — Бог грома и молнии немного помолчал; отец его — Бог, внимательно смотрел на сына своего — Бога грома и молнии. Сын Божий продолжил: — Но бегут все эти существа, отец, лишь повинувшись своему животному инстинкту, и не вижу я подлинного, осознанного страха в глазах их. Потому-то и не могут существа эти оценить по достоинству всю громогласную силу мою; потому-то и не могут они узнать — кто такой Бог грома и молнии. — Сын Божий замолчал; но вскоре заговорил вновь: — Сотвори же, отец, тех, кто сможет.

И снова задумался Бог. Но дума его было совсем недолгой; и решение быстро пришло к нему. И отправился Бог снова на нашу планету; и сотворил Бог на ней, по своему образу и подобию, человека, и дал ему сознание и мысль, и подлинный, осознанный страх, и все те чувства, присущие людям, все те чувства, присущие и Богам. И понеслась по нашей планете людская жизнь. И долго любовался Бог творением своим, прежде чем воротиться во владения свои к сыну своему ожидающему его.

— Все готово, — сказал Бог сыну своему — Богу грома

и молнии, — я исполнил просьбу твою, сын мой. Можешь возвращаться и вершить свои громогласные дела.

—Спасибо тебе, отец, — ответил Бог грома и молнии отцу своему — Богу, и отправился обратно к братьям своим.

И занеистовствовал вновь на планете нашей Бог грома и молнии. И гремел он раскатами грома — и люди, крича, бежали прочь и, прижавшись друг к другу, прятались в густых, зелёных зарослях. И пускал он по небу молнии — и смотрели люди в небо глазами полными подлинного, осознанного страха и голоса их дрожали и волосы их вставали дыбом. И неистовствовал Бог грома и молнии на нашей планете семь дней и семь ночей. И никто не останавливал его. И даже когда Бог сказал сыновьям своим: «Остановите его» — никто не мог остановить его. И даже когда Бог спустился к земле и сказал: «Остановись, сын» — он не остановился. И неистовствовал Бог грома и молнии на нашей планете семь дней и семь ночей. Покуда на исходе седьмой ночи не насытился он вдоволь силой своей и могуществом своим и не остановился сам. И вздохнули спокойно тогда люди. И вздохнули спокойно тогда братья его — Боги. И Бог, улыбнувшись, вернулся во владения свои.

И потекла по нашей планете размеренная, мирская жизнь. И стали люди жить на ней и развиваться. А в небе — Боги, следили, чтобы жили люди в здравии и развивались согласно промыслу Божьему. И гремел, временами, в небе том гром; и сверкали, временами, в небе том молнии — то один из мно-

жества Богов — сынов Божьих, неустанно выполнял работу свою, проносясь черными тучами по планете всей. И не было удержу на него. И страшились люди его. Но когда в определенных местах планеты, с наступлением осени, приходили холода, то братья его — сыны Божьи, выдворяли брата своего — Бога грома и молнии из мест тех и строго-настрого запрещали ему являться туда до наступления первой весенней оттепели. «Брат мой, — говорил брату своему — Богу грома и молнии, Бог холода, — вдоволь ты властвовал здесь все лето и хорошо выполнял ты работу свою — спасибо тебе; но теперь, брат мой, здесь будет осень и зима, и теперь здесь будут — холод, снег и лед; и нет тебе здесь места, брат мой, до будущей весны». И, прогремев напоследок во всю мощь свою, отправлялся Бог грома и молнии в места, где круглый год тепло, и гремел там неистово. И люди — жители определенных мест тех, наконец, успокаивались, ибо знали они, что холод, снег и лед спасут их от того неведомого и грозного, что сотрясает небо.

И проходили так на планете нашей года, столетия и тысячелетия. И все больше и больше развивались люди на ней; и все шире и выше становились города их; и все легче и понятнее становилась жизнь их. И все также неустанно следили за ними с неба Боги; и все также неустанно гремело, временами, в небе том. И люди, лишь заслышав громогласную поступь Бога грома и молнии, говорили друг другу: «То идет...» — и в разные времена называли разное имя его, и

рассказывали друг другу удивительные про него сказания, чтобы объяснить себе и всем вокруг всю тайную природу его — и не переставали бояться его. И даже когда города людей стали возвышаться до самого неба и когда они, выдумав науку свою, объяснили наукой этой что же такое на самом деле гром и что же такое на самом деле молния — все равно не перестали бояться его; и сызмальства говорили они детям своим: «Бойтесь грома и бойтесь молний; и лишь заслышав их и лишь завидев их — бегите скорее в дом свой». И упиваясь многие и многие тысячи лет страхом людским, сделался Бог грома и молнии самым грозным Богом во всем небе. И не было удержу на него. И становился он от года к году все злее и злее, и гремел он все громче и громче. И никто не знает теперь: к чему бы все это привело, если бы не было дня того — дня, когда земля прикоснулась к небу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.